

РУЧЕНЬКИНА
Софья Алексеевна

бакалавриат, Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия),
sruchenkina@yandex.ru

ГЕРОЙ «ОНЕГИНСКОГО» ТИПА В РОМАНЕ И. А. ГОНЧАРОВА «ОБРЫВ»: ПРОБЛЕМЫ ГЕНЕЗИСА И ПОЭТИКА

Научный руководитель:

Евдокимов Андрей Андреевич

Рецензент:

Дьячкова Ирина Николаевна

Статья поступила: 17.09.2025;

Принята к публикации: 28.09.2025;

Размещена в сети: 28.09.2025.

Аннотация. В статье рассматривается образ Марка Волохова в романе И.А. Гончарова «Обрыв» в свете концепции С.Г. Бочарова о возможном сюжете романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» как претексте произведений русской литературы середины XIX века. Исследование сосредоточено на генезисе и поэтике этого характера, сочетающего элементы пушкинского персонажа и его европейских литературных предшественников. Писатель, реагируя на социальные перемены, адаптирует пушкинский возможный сюжет согласно своим взглядам на вызовы времени и актуальный общественный и политический контекст.

Ключевые слова: Гончаров, Пушкин, «Евгений Онегин», «Обрыв», персонаж, генезис, возможный сюжет

Для цитирования: Рученькина С. А. Герой «онегинского» типа в романе И. А. Гончарова «Обрыв»: проблемы генезиса и поэтика // StudArctic Forum. 2025. Т. 10, № 3. С. 119–128.

Известному литературоведу С.Г. Бочарову принадлежит наблюдение: «"Евгений Онегин" – лаборатория возможных сюжетов <...> будущей русской литературы; сюжеты будущих русских романов в зерне содержатся здесь, как будто время им не пришло еще развернуться и Пушкин их оставляет на будущее другим» [Бочаров: 67]. Персонаж романа И.А. Гончарова «Обрыв» Марк Волохов – проповедник нигилизма, который своеобразно развивает линию протагониста пушкинского романа в стихах. Этот феномен становится предметом исследования в работе.

Целью настоящего исследования является установление генетического родства между образами Евгения Онегина и Марка Волохова. Для этого с помощью методов имманентного и сравнительно-исторического анализа были рассмотрены типологические сходства и различия персонажей, кроме того, сюжетные линии обоих, любовные конфликты в особенности. Актуальность статьи заключается, в первую очередь, в малоизученности «Обрыва», его литературных источников. До сих пор роман И.А. Гончарова мыслился лишь как один из антинигилистических текстов 1860-х годов, в этой же работе он рассматривается как социально-философский и наследующий пушкинскому «роману-жизни».

* * * * *

Русская словесность XIX века сделала предметом художественного изображения причинно-следственное объяснение жизни, саму обусловленность, воплощенную в соотношениях человека и среды, в социальных предпосылках становления характера [Гинзбург: 69]. Изменение «декораций» провоцирует появление в литературе нового героя, который все же не оторван от литературной традиции предыдущего поколения. Черты 1820-х

и 1860-х годов выражаются в описанных А.С. Пушкиным сюжетах светской жизни Петербурга и провинциальном дворянском быте [Гуковский: 139–140], а также в изображенной «фламандцем»¹ И.А. Гончаровым повседневности приволжских помещиков соответственно.

Сопоставление «светского льва» Евгения Онегина и «псевдо-апостола» Марка Волохова из романа И.А. Гончарова «Обрыв», разносящего «прогрессивные» идеи в далеком уезде, обусловлено не столько схожестью характеров – скептиков [Гинзбург: 396], носителей ложных идеологий², сколько тем, что они оба оказываются в «ситуации жертвенного превосходства любящей героини над современным героем» [Бочаров: 31]. Образ первого сформирован взаимодействием и взаимоналожением черт его литературных предшественников, а потому полигенетичен. Среди его доминантных признаков – рефлексия (вызывающая пассивность) и «демоничность». Первое генетически восходит к персонажам восточных поэм Байрона, произведений Метьюрина, Полидори, Нодье, второе – к Адольфу, Чайльд Гарольду, отчасти байроновскому Дон Жуану [Бояркина: 33–34].

В «Обрыве» Гончаров расщепляет «онегинский» тип таким образом, что пассивные и «демонические» приметы оказываются распределены между двумя мужскими образами – художника-дилетанта Райского и «нигилиста» Волохова [Бояркина: 38]. Последнего объединяет с Евгением цинизм и скептицизм по отношению к жизни в целом и любви в частности. Сравним «проповедь» Онегина Татьяне с воззрениями Волохова, которые он открывает Вере. Первый открыто заявляет:

Я, сколько ни любил бы вас,
Привыкнув, разлюблю тотчас <...>.

Персонаж Гончарова нападает на брак вообще:

– А вы хотели бы, по-старому, из одной любви сделать жизнь, гнездо – вон такое, как у ласточек, сидеть в нем и вылетать за кормом?³

Для этих героев женитьба – не любовь, а лишь «ограничение» свободы, общественная условность, женщина привлекает их как объект временной страсти («Я думал <...> мы скоро сойдемся и потом разойдемся или не разойдемся – это зависит от организмов, от темпераментов, от обстоятельств»⁴), которая может прогнать скуку («Что занимало целый день / Его тоскующую лень, – / Была наука страсти нежной <...>»). Оба персонажа заранее знают, что их чувства быстро остынут, а «счастье» неизбежно станет «привычкой» и «мúкой».

По Волохову, путь опыта ведет к истине⁵, по Гончарову и Пушкину – притупляет жажду жизни и порождает безверие. Вспомним наблюдение исследователя о взглядах пушкинского героя на брак: «Это важное заявление возникает в контексте счастливых планов Ленского накануне женитьбы. На их месте Онегин предвидит «ряд утомительных картин», как и в своем гипотетическом браке с Татьяной. Онегин «все предвидит» и во всем ошибается» [Бочаров: 35]. Кроме того, «надея Онегина своим духовным опытом, Пушкин с самого начала отказывает ему в важнейшей части этого опыта, <...> творческом отношении к жизни» [Осват: 192]. Относясь терпимо к разрушительному скептицизму Онегина, автор в «романном настоящем» уже не исповедует и не разделяет философию героя» [Осват: 192].

Гончаров убежден, что анализ разрушителен, разъедает все, «как уксус»⁶, что «отрицание и анализ расшатали все прежние основы жизни, свергли и свергают <...> даже авторитеты духа и мысли, и жить приходится жутко, нечем морально»⁷. На уровне «романной реальности» общая черта Евгения и Марка – скептицизм (выродившийся у последнего в бытовой нигилизм [Цейтлин: 244]), прагматизм и эгоизм.

На символическом уровне тексты Пушкина и Гончарова раскрывают другую черту сходства героев – «демонизм». «Демонизм» Евгения не заявлен прямо, а лишь очерчен как потенциальная возможность. Читатель догадывается об этом, благодаря аллюзиям к Чайльд Гарольду, Мельмоту, Корсару, Сбогару. Модель «демонического» персонажа вполне реализована во сне Татьяны, где Онегин возглавляет шайку чудовищ. Мотив «демонического соблазна» раскрывает образ героини, которая, несмотря на увиденное во сне, остается верна своему чувству и «готова идти над бездной навстречу гибели» [Осповат: 195]. Так же Вера игнорирует предзнаменования⁸ трагической развязки ее отношений с Марком, веря в победу любви над «темным образом жизни» избранника.

Гончаров наделяет Волохова «демоническими» и бестиарными чертами. «Твой идол – волк!», – говорит Райский Вере. Этот образ становится аллегорией страсти, отражающей мировоззрение Марка. Кстати, и юный Онегин в черновой рукописи уподоблен тому же хищнику из-за его любовного пыла:

Так хищный волк, томясь от глада,
Выходит из глуши лесов
И рыщет близ беспечных псов
Вокруг неопытного стада;
Все спит, и вдруг свирепый вор
Ягненка мчит в дремучий бор⁹.

В славянском бестиарии волк обычно обозначает разбойника, еретика, лжепророка [Гродецкая: 158]. Фамилия Волохова может указывать и на «бесовскую» природу персонажа: Л.С. Гейро слышит в ней созвучие слову «волк» [Гейро: 83-183]. В науке есть и другие интерпретации имени гончаровского персонажа (см. [Мельник, 1990: 34-45]; [Подосинов: 20]).

Марк – «волк» и «зверь»¹⁰. Последний атрибут в христианской демонологии соотнесен с дьяволом [Гродецкая: 159]. Л.С. Осповат, изучая рукописи Пушкина, отыскал черновой вариант стиха «Он там хозяин»: «Он Господин их – это ясно» [Осповат: 194], то есть Сатана. На inferнальную природу Марка указывает мифологема огня, который в ряде случаев трактуется как «проклятый»¹¹ адский огонь, и в этом прочитывается греховность героя, фигура которого «полна огня, лает, скачет»¹². Волохов, рефлексировав перед Верой, открывает истинный, мифистический смысл его увещаний: «Помни, я все сказал тебе вперед, и если ты, после сказанного, протянешь руку ко мне – ты моя: но ты и будешь виновата, а не я...»¹³. Здесь прочитывается трансформация мотива сделки с дьяволом. Слова «беса» Волохова подкрепляются образно: его лицо переменилось, «как будто около него поднялся из земли смрад и чад»¹⁴. Формула «смрад и чад» имеет библейское происхождение и относима к великим грешникам.

Онегину и Волохову присущи презрение к морали и скепсис, которые у первого из них воплотились в либертинаже, а у второго – в фанатичном нигилизме. Персонаж «Обрыва» воплощает в себе «онегинский» тип героя русской литературы в его «демоническом» изводе. «Демонизм» гончаровского героя не окрашен романтически, в отличие от образа Онегина во сне Татьяны, что свойственно реальному направлению 1860-х годов и желанию автора «Обрыва» указать на безбожие и отверженность героя как на земле, так и на Небе.

Итак, унаследовав «демоническую» сущность Онегина и став «героем действия», «протестантом» [Бояркина: 34], Волохов – идеологический потомок пушкинского героя. Этот тезис нуждается в пояснении. Онегин – это и гений в «науке страсти нежной», «педант / И то, что мы называли франт», и герой, живущий «Среди блистательных побед, / Среди вседневных наслаждений», «забав и роскоши дитя». Тактика либертинажа проявилась особенно ярко в

строфах о коллекционируемых главным героем любовных связях¹⁵, и во всей первой главе романа в стихах присутствуют образы и мотивы французской эротической и либертинской литературы [Добрицын: 145-146].

Распространенный среди аристократии XVIII века «либертинаж нравов» предполагал цинизм и показное безбожие [Виппер: 179]. Важно, что Онегин отнюдь не мистик-«фармазон», не буквально «второй Чаадаев» – вольнодумец. Пушкин иронически описывает Онегина, потому что тот подчинился «стертой» культуре общеевропейского света, которая плодила «лишних людей» [Гуковский: 182], а потому Евгений «воспринял либерализм преддекабрьской поры <...> как умственную моду» [Гуковский: 185]. Его «вольнодумие» проявляется лишь в эпатажном поведении. Волохов также нигилист только внешне: «Он обольстился одною декорацией духа времени, не вникнув ни в смысл новых идей и понятий, ни в пути и способы, даже ни в наружные приемы, какими водворяется в общество какое-нибудь новое, прочное и верное начало и новая основа жизни»¹⁶. И Онегину, и Волохову присуща показная небрежность, однако у первого она «чарующая» [Делон: 51], у второго – отталкивающая, шокирующая. Такой переход «протестанта» от небрежности к неопрятности и грубости объясняется стремлением нигилистов отделить себя как от традиционалистов и реакционеров, так и от обычных людей [Паперно: 19].

Марку льстит то, что его считают человеком, для которого «нет ничего святого в мире»¹⁷ (пусть его «подрывная деятельность» лишь «просветительные» разговоры с гимназистами да разбрасывание агитационных брошюр). Волохов только осуждает легитимность, по-настоящему не вступая в область запретного [Шапинская: 225]. Проницательная Вера еще при первой встрече с «лжепророком» разоблачает «учение» Марка, которое выражается в асоциальном поведении: «Я слышала уж о вас. Вы стреляли в Нила Андреича и травили одну даму собакой... Это "новая сила"?»¹⁸

«Эксцентричность» и «распущенность» – либертинские идеи, драпированные во вкусе 1860-х годов, поскольку «вульгарный физиологический материализм середины XIX столетия философски наследует аристократическому гедонизму века предшествующего» [Бочаров: 71]. Формальные приверженцы этих течений имеют общие симптомы: «лень, безделье, нетрезвое понимание действительности»¹⁹. И эта реплика автора обращена не только к материалисту Волохову, но и идеалисту Райскому, что подтверждает мысль П.В. Бояркиной о «расщепленности» героя «онегинского» типа в «Обрыве»: «демонический», действующий Марк и рефлексирующий, «пассивный» Борис иллюстрируют два полюса личности Евгения. В этой системе «двойников» обнаруживается типичный для Гончарова прием контраста мужчин-протагонистов [Краснощекова: 408]. Следовательно, поверхностность и творческое «бесплодие» – в широком смысле – также черты сходства пушкинского и гончаровского персонажей.

Переходя к различиям между персонажами, отметим важность их сословной принадлежности. Между «Евгением Онегиным» (1833) и «Обрывом» (1869) – более тридцати лет. Смена культурных поколений внутри страны и европейская революция идей к 1860-м годам открывают дорогу «росту индивидуально-персонального начала, который стал главной отличительной приметой и обретением данной эпохи» [Недзвецкий: 68]. Человек воспринимается как самоценная личность, а не элемент сословной иерархии, которая прежде диктовала корпоративные представления, нормы и идеалы [Недзвецкий: 68]. Литература чувствительна к брожениям мысли, а роман особенно тонко улавливает актуальные явления действительности, в которых «отразился век / И современный человек / Изображен довольно верно»²⁰. Лицом эпохи становится разночинец.

Как и дворянин, он манкирует государственной службой [Печерская: 16-17].

Но мотивация у него иная: аристократ дорожит статусом и наследными правами землевладения и потому не дерзает выступить на политическом поле [Пайпс: 237], а разночинец, не имея прав на собственность, отказом от казенного места демонстрирует несогласие с порядками и жажду независимой деятельности.

При этом разночинцы страдают от комплекса неполноценности и нереализованности амбиций [Печерская: 28], чувством уязвленного самолюбия, которое обостряется в обществе «сильных мира сего». «Семинаристы» [Печерская: 29], которые нередко образованнее служащих аристократов, служат рядом с дворянами. Последние аргументированно критикуют «выскочек»-разночинцев за эклектическую фиктивность их идеологии, «постоянную потребность разночинского сознания удостоверяться в самом себе» [Печерская: 35], экзальтированность «новообращенных» в позитивизм, атеизм, утилитаризм [Паперно: 12].

Волохов вписывается в очерченную модель: Вера замечает в его взглядах «зыбкость, односторонность, пробелы, местами будто умышленную ложь пропаганды, на которую тратились живые силы, дарования, бойкий ум и ненасытная жажда самолюбия и самонадеянности, в ущерб простым и очевидным, готовым уже правдам жизни, только потому, <...> что они были готовы»²¹.

Гончаров не отказывает Волохову в вольнодумстве, и спутницей духовных скитаний Марка могла бы стать «развитая» Вера. Но его примитивное мировоззрение разрушает всякие нравственные ориентиры: персонаж клеймит любовь как социальную условность, противные ему «долг», «правила», «обязанности» [Шапинская: 225]. Он «радикал и кандидат в демагоги»²², человек «поколения», а не «воспитания»²³. Не способен Волохов и «разумно трудиться».

Исследователи указывают на «отречение» шестидесятников от «отцов» – поколения 1840-х годов, которое было проникнуто духом «благородной борьбы» во имя народа [Печерская: 15]; [Паперно: 12–13]. Нигилистам 1860-х годов представляется фантомом «шиллеровский комплекс» их предшественников [Гейро: 114]. Впрочем, поколение состояло не только из самопровозглашенных «лжепророков», которые тиражировали определенный стиль поведения (обязательно идеологически окрашенный [Печерская: 20]) и паразитировали на женском вопросе. Проблема распространения мнимых общественных благ была налицо – на глазах Гончарова талантливые и умные девушки и женщины обманывались «Волоховыми»: «Разве женщины пренебрегали сближением с этими, оторвавшимися от порядка, от общества, от семейств, грубоватыми героями «новой силы», «нового дела», идеала какого-то «громадного будущего»? <...> И жаль всем было моей писанной Веры-портрета, но ужели менее жаль всех падших живых Вер?!»²⁴ «Искуситель» не жертвовал ничем, предлагая героине «опыт», потому что ему отказываться было не от чего: у Марка «нет корня»²⁵, «воспитания», жалости, есть только природные инстинкты и искренняя вера в губительные идеи [Паперно: 12].

Онегин, напротив, находит в себе силы (благодаря сомнительному, но «воспитанию») инстинкт укротить («Быть может, чувствий пыл старинный / Им на минуту овладел») и не дать ходу «привычке милой» (8, XXXII). Ю.М. Лотман комментирует свидание пушкинских героев в саду так: «Он [Онегин] неожиданно для Татьяны повел [себя] <...> просто как хорошо воспитанный светский и к тому же вполне порядочный человек <...> а П [Пушкин] продемонстрировал ложность всех штампованных сюжетных схем, намеки на которые были так щедро разбросаны в предшествующем тексте. Светская отповедь Онегина отсекала возможность и идиллического, и трагического литературного романного трафарета» [Лотман: 631].

Волохов же презирает «старые понятия, мораль, долг, правила, веру»²⁶, проповедуя

иную истину: «Правило свободного размена, указанное природой. Не насиловать привязанности, а свободно отдаваться впечатлению и наслаждаться взаимным счастьем – вот «долг и закон», который я признаю»²⁷. Этому же «правилу свободного размена» некогда следовал и Евгений:

В красавиц он уж не влюблялся,
А волочился как-нибудь;
Откажут – мигом утешался;
Изменят – рад был отдохнуть.
Он их искал без упоенья,
А оставлял без сожаленья,
Чуть помня их любовь и злость²⁸.

В деревню герой приезжает повзрослевшим (Марк, напротив, занимает позицию бунтующего подростка), уставшим от светской суеты – новые «опыты» его не прельщают так, как «в первой юности», и искренность, невинность Татьяны на мгновение напоминают о дворянских долге и чести.

Кроме того, Онегин закономерно выступает в роли наставника «ведомой», не отвечающей за свои поступки барышни. Такое решение диктует замысел Пушкина и нравы эпохи. Разве в случае «падения» Татьяны героиня рассматривалась бы как равноправный участник «опыта», а не как жертва страстей, «заблудшая овца»? Только в 1860-е годы разворачивается полемика о праве женщины на духовную и физическую свободу. Если в пушкинском сюжете «виноватым» в грехе оказался бы мужчина, то в «Обрыве» равные друг другу Вера и Марк («мы равны, <...> оттого мы и не сходимся, а боремся»²⁹) обманываются оба, и вина их общая.

Итак, у Марка и Евгения одно «нутро» – отрицающее; это заблуждающиеся герои с неверно реализованным или нереализованным потенциалом. Татьяне удастся вызвать в Онегине сочувствие к своей неопытности («Но обмануть он не хотел / Доверчивость души невинной»), в то время как неподготовленность Веры к «грозам жизни» возбудила в Волохове, «парии, цинике»³⁰, желание «это яблоко украсть»³¹. Категоричная самоуверенность «современного человека» берет верх над волей девушки «старых правил». В роковой миг она не может устоять перед грубой силой Волохова: и физической мощью, когда он «как зверь, помчался в беседку, унося добычу»³², и тем самым «вульгарным материализмом». Героиня «падает» телом, но не духом, и впереди ее ждет «воскресение» через раскаяние и смирение.

Гончаров видит семью как «одну из основополагающих платформ жизни» [Мельник, 2024: 150], поэтому «ошибка» Веры предвосхищает ее личную миссию – становление женой и матерью. Женщины «не ангелы, пусть так – но не звери!», их судьба – воспитать нового человека: «Вы, рождая нас, берегите, как Провидение, наше детство и юность, воспитывайте нас честными, учите труду, человечности, добру и той любви, какую Творец вложил в ваши сердца, – и мы твердо вынесем битвы жизни и пойдем за вами вслед туда, где все совершенно, где – вечная красота!»³³

Понимающие любовь как долг Татьяна («Но я другому отдана; / Я буду век ему верна»³⁴) и Вера («Честно взять жизнь у другого и заплатить ему своею: это правило»³⁵) возвышены Пушкиным и Гончаровым над героями-возлюбленными. Евгению, в «бездействии досуга / Без службы, без жены, без дел», и Марку, опустошенному, ставящему женщин в один ряд с картами и вином [Балашова, Рецов: 27], недоступно чувство самоотверженной, бессрочной любви, ради которого следует преодолеть безынициативность, сомнение, скуку и взяться за дело, будь то создание семьи или созидательный труд. «Недуг, которого

причину / Давно бы отыскать пора»³⁶, оказывается для «современных героев» неизлечимым.

* * * * *

Таким образом, черты сходства Евгения Онегина и Марка Волохова представлены вольнодумством, эпатажем, цинизмом и демонизмом, противоположные же черты обусловлены нравственными и социальными различиями между аристократом Онегиным и разночинцем Волоховым. Мужской протагонист «онегинского» типа реализован в «Обрыве» как «коварный искуситель», изображенный в духе антинигилистического романа 1860-х, для него «нет ничего святого», в том числе дворянской, девической, семейной чести. Гончаров, реагируя на социальные перемены, адаптирует пушкинский возможный сюжет сообразно своим взглядам на вызовы времени, учитывая актуальный исторический контекст, правдоподобно изображает завязку, развитие и кульминацию отношений девушки, стремящейся к «свету» знания, и «прогрессивного» шестидесятника, «льва, презирующего мелкий труд и не знающего, что с собой делать»³⁷.

Примечания

¹ Дружинин А.В. «Обломов» Гончарова // Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. Санкт-Петербург: Имп. Акад наук, 1865. С. 586.

² Гончаров И.А. Лучше поздно, чем никогда // Собр. соч. и писем: В 8 т. Т. 8. Москва: Госуд. изд-во худ. лит-ры, 1955. С. 92.

³ Гончаров И.А. Обрыв // Он же. Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. 7. Санкт-Петербург: Наука, 2004. С. 529.

⁴ Гончаров И.А. Полное собрание сочинений: В 20 т. Т. 7. С. 529.

⁵ Там же. С. 525-526.

⁶ Гончаров И.А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 8. Москва: Худож. лит., 1980. С. 299.

⁷ Там же. С. 390.

⁸ Гончаров И.А. Полное собрание сочинений: В 20 т. Т. 7. С. 451-452.

⁹ Пушкин А.С. Евгений Онегин // Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 5. Ленинград: Наука, 1978. С. 429.

¹⁰ Гончаров И.А. Полное собрание сочинений: В 20 т. Т. 7. С. 618.

¹¹ Там же. С. 281.

¹² Там же. С. 263.

¹³ Там же. С. 729.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Пушкин А.С. Евгений Онегин // Полн. собр. соч.: В 19 т. Т. 6. Москва: Воскресение, 1995. С. 8-10.

¹⁶ Гончаров И.А. Предисловие к роману «Обрыв» // Собр. соч. и писем: В 8 т. Т. 8. С. 143-144.

¹⁷ Гончаров И.А. Полное собрание сочинений: В 20 т. Т. 7. С. 124.

¹⁸ Там же. С. 521.

¹⁹ Гончаров И.А. Предисловие к роману «Обрыв». С. 146.

²⁰ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 19 т. Т. 6. С. 148.

²¹ Гончаров И.А. Полное собрание сочинений: В 20 т. Т. 7. С. 658.

²² Гончаров И.А. Собрание сочинений и писем: В 8 т. Т. 8. С. 94.

²³ Там же. С. 375.

²⁴ Гончаров И.А. Лучше поздно, чем никогда. С. 95-96.

²⁵ Гончаров И.А. Полное собрание сочинений: В 20 т. Т. 7. С. 610.

²⁶ Там же. С. 613.

²⁷ Там же. С. 609.

²⁸ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 19 т. Т. 6. С. 76.

²⁹ Гончаров И.А. Полное собрание сочинений: В 20 т. Т. 7. С. 612.

³⁰ Там же. С. 518.

³¹ Там же. С. 521.

³² Там же. С. 618.

³³ Там же. С. 762.

³⁴ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 19 т. Т. 6. С. 188.

³⁵ Гончаров И.А. Полное собрание сочинений: В 20 т. Т. 7. С. 609.

³⁶ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 19 т. Т. 6. С. 21.

³⁷ Гончаров И.А. Лучше поздно, чем никогда. С. 74.

Список литературы

Балашова И.А. Роль образа огня в представлении И.А. Гончаровым характеров и типов романа «Обрыв» / И.А. Балашова, В.В. Рецов // Art Logos. 2018. № 1. С. 19-30.

Бочаров С.Г. Сюжеты русской литературы. Москва: Языки русской культуры, 1999. 632 с.

Бояркина П.В. Онегинский тип героя в русской литературной традиции // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 4(414). С. 33-43.

Виппер Ю.Б. Либертены // Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. Т. 4. Москва: Советская энциклопедия, 1967. С. 179.

Гейро Л.С. «Сообразно времени и обстоятельствам...»: (Творческая история романа «Обрыв») // Литературное наследство. 2000. Т. 102. С. 83-183.

Гинзбург Л.Я. К постановке проблемы реализма в пушкинской литературе // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. Москва; Ленинград: АН СССР, 1936. С. 387-401.

Гродецкая А.Г. Бестиарный код нигилиста Марка Волохова в «Обрыве» // Пушкинские чтения. Москва: ЛГУ имени А.С. Пушкина, 2015. С. 156-162.

Гуковский Г.А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. Москва: Гослитиздат, 1957. 416 с.

Добрицын А.А. Либертинская модель поведения и язык французского либертинажа в «Евгении Онегине» // Временник Пушкинской комиссии. № 32. Санкт-Петербург: ИРЛИ РАН, 2016. С. 145-170.

Краснощекова Е.А. И.А. Гончаров: Мир творчества. Санкт-Петербург: Пушкинский фонд, 1997. 492 с.

Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий: Пособие для учителя // Лотман Ю.М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 1995. С. 472-762.

Мельник В.И. И.А. Гончаров в полемике с этикой позитивизма: (К постановке вопроса) // Русская литература. 1990. № 1. С. 34-45.

Мельник В.И. Проблема идеальной семьи в трилогии И.А. Гончарова // Два века русской классики. 2024. Т. 6, № 1. С. 146-169. DOI: 10.22455/2686-7494-2024-6-1-146-169

Недзвецкий В.А. История русского романа XIX века. Москва: Издательство Московского университета, 2011. 152 с.

Осват Л.С. «Влюбленный бес»: Замысел и его трансформация в творчестве Пушкина 1821–1831 гг. // Пушкин: Исследования и материалы. Ленинград: Наука, 1986. Т. 12. С. 175-199.

Паперно И.А. Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. Москва: Новое литературное обозрение, 1996. 207 с.

Печерская Т.И. Разночинцы шестидесятых годов XIX века. Феномен самосознания в аспекте филологической герменевтики. Новосибирск: Нонпарель, 1999. 185 с.

Подосинов А.В. Символы четырех евангелистов: Их происхождение и значение. Москва: Языки русской культуры, 2000. 174 с.

Цейтлин А.Г. И.А. Гончаров. Москва: АН СССР, 1950. 492 с.

Шапинская Е.Н. На краю пропасти: дискурс любви в романе И.А. Гончарова «Обрыв» // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 1. С. 223-228.

Делон М. Искусство жить либертена. Москва: Новое литературное обозрение, 2013. 896 с.

Пайпс Р. Россия при старом режиме. Москва: Независимая газета, 1993. 425 с.

Sofya A. RUCHENKINA

bachelor's degree, Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russia),
sruchenkina@yandex.ru

THE ONEGIN-LIKE CHARACTER IN IVAN GONCHAROV'S NOVEL THE PRECIPICE: GENESIS AND POETICS

Scientific adviser:

Andrey A. Evdokimov

Reviewer:

Irina N. Diachkova

Paper submitted on: 09/17/2025;

Accepted on: 09/28/2025;

Published online on: 09/28/2025.

Abstract. This article examines the character of Mark Volokhov in Ivan Goncharov's novel *The Precipice* through the lense of Sergei Bocharov's concept of the potential plot in Alexander Pushkin's *Eugene Onegin*, viewed as a precursor to mid-19th-century Russian literature. The study focuses on the genesis and poetics of the character who combines the traits of Pushkin's protagonist and his European literary predecessors. In response to contemporary social transformations, Goncharov adapts Pushkin's potential plot to his own views on the challenges of his era and the relevant social and political context.

Keywords: Goncharov, Pushkin, Eugene Onegin, The Precipice, character, genesis, potential plot

For citation: Ruchenkina, S. A. The Onegin-Like Character in Ivan Goncharov's Novel *The Precipice: Genesis and Poetics*. *StudArctic Forum*. 2025, 10 (3): 119–128.

References

- Balashova I.A., Retsov V.V. The role of the image of fire in I.A. Goncharov's characters and types in the novel «The Cliff». *Art Logos*, 2018, No. 1, pp. 19-30. (In Russ.)
- Bocharov S.G. *The plots of Russian literature*. Moscow, Languages of Russian Culture, 1999, 632 p. (In Russ.)
- Boyarkina P.V. Onegin type of hero in Russian literary tradition. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2018, No. 4(414), pp. 33-43. (In Russ.)
- Vipper Yu.B. *Libertines. A short literary encyclopedia*: In 9 vols. Vol. 4. Moscow, Soviet Encyclopedia, 1967, p. 179. (In Russ.)
- Geyro L.S. "In accordance with time and circumstances..." (The creative history of the novel *The Precipice*). *Literary Heritage*, 2000, Vol. 102, pp. 83-183. (In Russ.)
- Ginzburg L.Ya. Realism in Pushkin's works: setting a research problem. *Pushkin: Almanac of the Pushkin Commission*, Moscow, Leningrad, the USSR Academy of Sciences, 1936, pp. 387-401. (In Russ.)
- Grodetskaya A.G. The bestiary code of the nihilist Mark Volokhov in the novel *The Precipice*. *Pushkin Readings*. Moscow, Pushkin Leningrad State University, 2015, pp. 156-162. (In Russ.)
- Gukovsky G.A. *Pushkin and the problems of realistic style*. Moscow, Goslitizdat, 1957, 416 p. (In Russ.)
- Dobritsyn A.A. The libertine model of behavior and the language of French libertinage in Eugene Onegin. *Almanac of the Pushkin Commission*, No. 32, St. Petersburg, IRLI RAS, 2016, pp. 145-170. (In Russ.)
- Krasnoshchekova E.A. Ivan Goncharov: The world of creativity. St. Petersburg: Pushkin Foundation, 1997, 492 p. (In Russ.)
- Lotman Yu.M. Alexander Pushkin's novel Eugene Onegin: Commentary: Teacher's book. In Lotman Yu.M. *Pushkin's biography; Articles and notes, 1960–1990; Eugene Onegin: Commentary*. St. Petersburg, Iskustvo-SPB, 1995, pp. 472-762. (In Russ.)
- Melnik V.I. Ivan Goncharov's polemic with the ethics of positivism (setting a research question). *Russian Literature*, 1990, No. 1, pp. 34-45. (In Russ.)
- Melnik V.I. The problem of an ideal family in I.A. Goncharov's trilogy. *Dva veka russkoi klassiki*, Vol. 6, No. 1, 2024, pp. 146-169. DOI: 10.22455/2686-7494-2024-6-1-146-169 (In Russ.)
- Nedzvetsky V.A. *The history of the Russian novel of the 19th century*. Moscow, Moscow University Press, 2011, 152 p. (In Russ.)

- Ospovat L.S. "The devil in love": The idea and its transformation in Pushkin's works of 1821–1831. *Pushkin: Research and materials*. Leningrad, Nauka, 1986, Vol. 12, pp. 175-199. (In Russ.)
- Paperno I.A. Chernyshevsky and the age of realism: A study in the semiotics behavior. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye, 1996, 207 p. (In Russ.)
- Pecherskaya T.I. *Raznochintsy of the 1860s. The phenomenon of self-awareness in the aspect of philological hermeneutics*. Novosibirsk, Nonpareil, 1999, 185 p. (In Russ.)
- Podosinov A.V. *Symbols of the four Evangelists: Their origin and meaning*. Moscow, Languages of Russian Culture, 2000, 174 p. (In Russ.)
- Tseitlin A.G. *Ivan Goncharov*. Moscow, USSR Academy of Sciences, 1950, 488 p. (In Russ.)
- Shapinskaya E.N. On the edge of the abyss: Love discourse in I.A. Goncharov's novel "The Precipice". *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2019, No. 1, pp. 223-228. (In Russ.)
- Delon M. *The libertine: The art of love in eighteenth-century France*. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye, 2013, 896 p. (In Russ.)
- Pipes R. *Russia under the old regime*. Moscow, Nezavisimaya gazeta, 1993, 425 p. (In Russ.)